

мящегося сохранить себя кочевничества), характера семейных связей в условиях становящейся демократической семьи (здесь важно заметить: веками наработанная культура как система устойчивых порядков активно противодействует деформации нынешней семьи), места Русской православной церкви в регулировании внутриобщественного партнерства (своей деятельностью РПЦ призвана располагать прихожан к открытости – условию претворения человеческого братства). Все это выражает одну из сторон кафедральной программы научных исследований, содействует стремлению преподавательского коллектива на должном идейно-теоретическом уровне вести занятия по обществоведческой тематике, направлять молодых людей к обобщенно воспроизводимому видению открывающихся перспектив, развивать научную методологию в границах гуманитарной научно-исследовательской программы – важного среза постнеклассической научной картины мира.

*Руководитель Пятых Петровских чтений
профессор Н. С. Коноплёв*

КОНОПЛЁВ Н. С.

СОВРЕМЕННОЕ ИНДИВИДУАЛЬНО ПРЕТВОРЯЕМОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РЕАЛИЙ

К постановке вопроса

Рассмотрена взаимосвязь культуры и цивилизации, уточняющая характер развертывания как индивидуально промеряемого образования, так и общественно складывающегося образования как такового, представляющего в качестве современного социально отлаженного института. Инновационный подход в раскрытии образования определен использованием феномена андрагогичности – важного методолого-исследовательского средства, позволяющего выразить роль образования в условиях массовой индивидуализации социума. Эта роль, показано в настоящей статье, может быть сведена к тому, что благодаря образованию устанавливаются прочные связи между образовательно насыщенной личностью и коллективом – с использованием достижений НТР. При этом, свидетельствует автор, образование становится своеобразным знаменателем во взаимодействии культуры и цивилизации, направляя их по пути отлаживаемой толерантности. Подчеркнута роль образования в становлении личностного самовыражения современной молодежи, а также то, что образование осуществимо благодаря жизненному выбору, который производит «социально насыщенный» молодой человек. Под влияни-

ем выбора складывается личностный настрой, диктующий проделавшему его индивиду творческую самоотдачу. Сложившаяся рассматриваемым способом личность благодаря самообразовательному совершенствованию достигает андрагогической выразимости, или духовно-творческого подъема на протяжении отпущенной человеку жизни. Показано, что инновационный настрой личности андрагога связан с приобщением к сфере духовных ценностей так называемой памяти тела (содействующей переживанию прошлого, настоящего и будущего контекстом одновременности), с обоснованием перспектив практически-духовного возведения здания ноосферы – с дальнейшим опредмечиванием его коллективными усилиями.

Культуро-цивилизационные предпосылки образовательного ареала. Современное образование обязывает его носителя сполна вскрывать свой личностный статус – воплощение естественноприродно заданного творческого потенциала. Однако повсеместно развернувшаяся массовая индивидуализация социума, «взлеянная» «беспределом» научно-технической революции (НТР), нивелирует этот статус размахом «глобального динамо-неравновеса» (вызванного планетарно сотворяемой искусственной средой /инфомассив, мегаполис, компьютер, сотовый.../); и человек ощущает себя не более чем «винтиком» малопонятных перипетий «скользящей судьбы». Испытывая «волнообразно накатываемое самоотчуждение», он (т. е. индивид) ищет опору и находит ее очертаниями исчезающего прошлого. Его утрата – трагедия человечества: исчезновение прошлого лишает нас исторической памяти, вобравшей неопределимые достижения культуры. Приобщение к ней открывает светлые перспективы для целеустремленного обустройства цивилизации, которая, как известно, постоянно соперничает с культурой «за место под солнцем». Для конструктивной «раскрутки» «образовательных притязаний» уточним специфику взаимоотношений между культурой и цивилизацией. Культура – коль скоро постигаем ее «отечественно-гуманитарным озарением» – система («заданных» «начальной гомосапиентностью») коллективно настроенных традиций, придающих ей устойчивость – жизненную прерогативу женского (приурочиваемого к «репродуцированию» поколений) пола. «Вынашивая» их, «слабые создания» фокусируют мудрость: способ ментального – по женской линии – закрепления накапливаемого трудового опыта. Соотнесенная с «запараллеленным» рацио мудрость – превалирует над ним и тем специфицирует «женский настрой». «Убаюканная» традициями культура «наделяет» их совершенствованием, затверждающим коллективно увязанное человечество моногамной семьей. С ее усилением – «противовесом» коллективизму – крепнет заявленное «мужским присутстви-

ем» – носителем изменчивости – индивидуальное начало. Противоречивая – «муже-женская» – сопряженность «награждает» материальной обеспеченностью социальную форму движения материи. Конкретная ее воплотимость оборачивается общественными (сменяющимися первобытно-социальные условности, запреты) отношениями, отчуждающими индивида от коллектива (и наоборот): на их «взаиморазброде» «взвинчивается» цивилизация – неуклонный прогресс (культура, как мы помним, «упивается» традициями, стянутыми «женским обаянием»). Цивилизационный прогресс (по-настоящему иным /нежели цивилизационным/ он быть не может), возвеличиваясь изменчивостью, уповает на «мужское достоинство», закрепляемое бескомпромиссным рацио (отсюда он, т. е. рацио, а не мудрость / роль ее не умаляем, однако, «обговариваемая» цивилизационно-мужскими стандартами, она «на долгие годы» оказалась за «чертой востребованности» / - суть мужской духовности: инструмент овладения «неизведанной неотмирностью»; не зря говорят: только «сильная половина» «моря житейского» «завербовывает» цивилизацию). ...Культура «заражает» обретенные традиции устойчивостью, цивилизация «окунает» их в изменчивость (попутно отметим: диалектика культуры как устойчивости и складывающейся /позже/ цивилизации, т. е. изменчивости – ведущей стороны любого движения, – «лепит вместилище» социальной формы движения материи). Фиксируемый «беспредел» закрепился, по словам Ф. Энгельса (1820–1895), великим – случившимся «зарее цивилизации» – поражением женского пола при «плановом» «преодолении», обустройстве его (т. е. беспредела как хаоса) «бескомпромиссными воительницами-амазонками» моногамной семьей (которая в итоге – вопреки «женским ожиданиям» – предстала как патриархальная: оно и понятно – семья расцветает цивилизацией, «мускулисто зависшей могущественной частью человечества»). Тысячелетнее развитие общества привело к тому, что современная цивилизация подчинила себе культурную составляющую общественных отношений (вместо того чтобы гармонизировать их своей «пропечатанной» сопричастностью к достоянию культуры): эволюционными перекосами заметно разведены культура и цивилизация. Сие «негативирует» «естественную природность» социальной формы движения материи. «Гнетом» НТР – продуктом «цивилизационного шизо» – развязана сексуальная революция (имеющая, впрочем, «интимно биологические предпосылки»), завершающаяся беспрецедентной катастрофой – теперь уже «мужского массива». Об этом свидетельствует замена патриар-

хальной семьи «неопределенно»-демократической семьей с ее «проблемными обстоятельствами выживания». ...Мир жаждет перемен, которыми нам же его сподручнее одарить. Союз культуры и цивилизации (с выходом на «свежую» социальную реальность – ноосферу: ноосферную форму движения материи) – то, что сейчас нужно: намечаемые качественные преобразования социума и того среза общественных отношений, согласно коему провозглашается «образовательно вспыхивающая личность» (данной прикидкой, как видно из вышесказанного, «социальность» характеризует тяготеющий к общинной разверстке довольно архаический, «постоянно зашкаливаемый» этап «человеческого бдения»; «общество», «общественные отношения» «взрываются» цивилизационную дифференцированность социума, неудержимо «маня» человечество необходимостью интенсифицировать социальную форму движения материи), станут возможными благодаря отлаженному – за счет научно-технического прогресса (НТП) – быту. ...Рассмотрев взаимосвязь культуры и цивилизации, констатируем: эти два важнейших вида общежития выстроены так, что над социальными связями возвышается система общественных отношений. Культура здесь оказывается «заангажированной» социотрадициями (представляющими в качестве начального – внеклассово-первобытного – этапа организации вида *Homo sapiens*); цивилизация (воспроизводящая массовоиндивидуализирующий прогресс) тяготеет к тому, чтобы сорганизоваться общественными отношениями – производными от нарастающих классовых перипетий, выстраиваемых «мужскими стандартами» (после случившегося, как мы сказали, предцивилизационно-всеохватного поражения женского пола). Настала «желанная пора» возвысить культуру до уровня цивилизации. Действительно, свершившаяся сексуальная революция, принесшая блистательную победу «слабым созданиям» (это видно по замене, как мы сказали, патриархальной семьи «демократическим совершенством» / впрочем, его еще должна подтвердить «свежая практика» семейных отношений /), подталкивает «цивилизационное содружество» к уравнению прав женщин и мужчин. Овладевая общественными отношениями, «прекрасная половина человечества» делает их своеобразным знаменателем для выверки также обретших общезначимость – еще недавно они оказывались «затененными» – социальных связей. Наметившийся синтез культуры и цивилизации приобщает нас к более совершенному быту – основе активно складывающегося «образовательного амплуа». Решая важную задачу по выравниванию бытийного статуса муж-

ской и женской половин человечества, образование оборачивается универсально репрезентируемым социоинститутом. Образование как набирающий внушительную мощь институт интеллектуально-творческой защиты массово становящейся личности – это многоаспектное духовно-практическое «изобретение» современного человечества (корни образования, однако, «цепляются» глубинами архаики). Образование выводит индивида на «лично-стный расклад» с заготовками на реализацию им (т. е. индивидом) инновационно-образовательной неповторимости, замешанной на подведении «прогресса» к «смыслу жизни» (прежними временами «смысл жизни» обычно уподоблялся «логике новаторского прогресса»; при этом полагаем: новаторство пролонгирует «классово-групповой престиж», инновация – поиски смыслоличностного совершенствования /также на «базе высшей техники»/). Ее (т. е. инновационно-образовательной неповторимости) поэтапное овладение каждым из нас – прикосновение к тайне неизведанного... Переходя к раскрытию «образовательной надстройки», следует помнить: образование примечательно своей процессуальностью и уж затем – конечными результатами.

Перипетии с уточнением «образования». Проблематичность современного образования (аналог «образованию» в настоящем тексте – «образованность») состоит, на наш взгляд, в том, что размываются его жизненные критерии: образование «зависает» «возрастным беспределом». Полагают: образование прослеживается со школьного возраста. Однако начальная и средняя школа – под руководством наставника-педагога – реализует обучающе-воспитательный процесс (как предобразовательную стадию становления «предстоящей личности»), увязанный детским и подростковым возрастом. Природное основание образования – молодость: период, связанный с физическим ростом индивида (у представительниц слабого пола он завершается к 22 годам, у мужчин – в 25 лет), обретением – за счет затверждаемого брачного союза – семейных уз, широкой социализацией. Фокус ее (т. е. молодости) – рамками НТР – непременно овладение знаниями на уровне высшей школы. Это овладение мы и называем получением «высшего образования», хотя образование как претворенная духовность, вбирая «всевозможные высоты», совсем не «заинтриговано» приписываемым ему эпитетом «высшее». Оно, правда, начинается с высшей школы, но в таком контексте «высшее образование» – «завершающий» этап «обучающего воспитания» (т. е. того, что подвластно «школьному досмотру» во главе с

учителем-педагогом). Мы же намерены придать образованию не обучающе-воспитательную направленность, что, повторяем, имеет значение для начальной и средней школы, но выразить посредством «образования» творческий потенциал личности, раскрывающийся ее вполне самостоятельной – без какого бы то ни было стороннего посредничества – репрезентацией. Ведь «наставником» «личностного строительства» «обрисован» непосредственно «сам образовывающийся»...

Предобразовательная насыщенность начальной и средней школы. Школа готовит подростка к жизненному выбору. К моменту выбора подросток уже «подтянулся» – заявил о себе «званием человека». Но далеко не каждый – ввиду отсутствия творческой энергии – овладевает жизненным выбором. Обладая «рядовой» (т. е. не наделенной «личностным запалом») духовностью, многие выразители «массового сознания» не способны «выйти в люди» – «оседают аутсайдерами», «стушевываясь как все». ...Мы не должны смиряться с подобным закабальющим «всемстовом» («словечко» Ф. М. Достоевского /1821–1881/): каждому из нас по силам освоить «личностные перспективы». Выявлением их занята начальная и средняя школа. Она подталкивает обучающегося к выработке им социообусловливаемой индивидуализации. ...Школьные годы – время, когда подросток, социально утверждаясь, обретает (обязательно под руководством педагога, выступающего по отношению к нему – подростку – «идейным социализатором») личностный настрой: заявляет о себе (пусть и мимолетным) творчески-поступочным порывом. Вывераясь средой – ребенок постоянно сориентирован на мнение педагога. Сознание «жизненно озабоченного человечка» раздвоено: «предметной деятельностью» (т. е. тем, что таит в себе сущее как бытийственная перспектива наступающего с возрастом «личностного разворота» представителя пока еще подросткового возраста) оно охвачено «данной сиюминутой», а вот «должное» в сознании «юноши, обдумывающим жите» (парафраз из В. В. Маяковского /1893–1930/), «завещано» его носителю «указанием свыше» – обучающим воспитателем: наставником («подтверждением» наставничества также служит «строгая семейственность»). Противостояние «сущего» и «должного» в сознании подростка не всегда выдерживает «диалектическую отточенность», поскольку «юное сознание», не отягощенное «временными условностями» (освоением их занят уже сформировавшийся индивид), оказывается поглощенным «улицей» (которая с ее массовой культурой стано-

вится для подростка выражением «необходимо сущего», т. е. сущего как такового) – кампанией сверстников. ...Нынешние молодые люди создают собственную субкультуру, назначение которой – «подтянуть» «должное» к «сущему». Фактически молодежь ловит «текущий миг», «не веря в остальное» (Квинт Гораций Флакк /65 до н. э. – 8 до н. э./).

Молодежь в сетях НТР. Сущее и должное: проблема культуроцивилизационного выбора. Но не только сказанным здесь очерчена рассматриваемая ситуация. НТР расставила собственные вехи, и оказалось: основной производительной силой общества все более предстает молодое поколение – «инвестиционный ускоритель прогресса». С ним обнадеживающе связан НТП, выдвигающий молодежь на ведущие социопроизводственные позиции. Воздействуя на старшее поколение – поколение отцов, – молодежь выстраивает собственную жизненную нишу... Перед «отцами» встает важная задача формирования оригинальной педагогики, которая, осмысливая складывающиеся – «наоборотные» – связи между поколениями, помогла бы привить молодежи причастность к длительно нарабатываемым традициям (выявляющим «размашистую» актуальность культуры). Иначе превратно рвущаяся связь между поколениями загораживает человечеству «конец туннеля». «Рельсами НТР» меняющийся мир катит – это было уже произнесено – к угрожающему всем «динамо-неравновесу», усиливающемуся вышеупотребленной «массовой индивидуализацией социума». Надо что-то делать с интенсивно – на базе планетарно воздвигаемой искусственной среды – глобализующимся «человеческим фактором», «завязанным» на взрослеющей молодежи. Сотнося – применительно к ней – «сущее» и «должное», не следует особо уповать на «материальные заделы» социального активизма: рядом с ними – обретающая значение «духовная прелесть», радость «неземных переживаний». Так было всегда, и сегодня идеальная составляющая человеческой духовности (которая помимо нее содержит психическую реальность, «пласты подсознательного» и, возможно, что-то еще) наиболее удобно выстраивается «образовательным реноме». Скрепляемое обучающе-воспитательными установками образование «высвечивается» «заражающим неумную молодежь» жизненным выбором. Жизненный выбор – показатель самостоятельности его носителей. Он тесно связывает «сущее» и «должное» – с превалирующей ролью должного, или того, что «обручено ценностями идеала». Но тогда между «мною» и «должным» не может быть никакого посредника (вспомним, что

стягивающее подростковый возраст «сущее» и /»трансцендентное»/ должное зависят от находящегося посередине от них «лика учителя», олицетворяющего «должное в сущностном антураже»). «Образовательный казус» настаивает на абсолютной ответственности его «владельца», и этим владельцем выступает мое «Я» (обозначим мое «Я» «предельной степенью» – заглавной буквой, – поскольку образование заявляет о себе исключительностью своего положения: оно уникально).

Андрагогически-цивилизационная поступь образования. Образование – всегда самообразование, и в этом плане оно андрагогично (быть андрагогом / т. е. педагогом по отношению к самому себе / – лично совершенствоваться с момента осуществления жизненного выбора и до конца своих дней; а это – согласитесь – доступно лишь при «цивилизационном накате»), что опять-таки соответствует «духу цивилизационных перемен». Наша современность связывает воедино прошлое, настоящее и будущее: их синтез мы рассматриваем с позиций восходящей к Античности статической концепции времени (согласно ей прошлое, настоящее и будущее воплощают собою одновременность – своеобразно переживаемое сознанием индивида состояние совмещенности трех временных срезов). Опираясь «концепцией» мы подчеркиваем фиктивность, т. е. «человеческую представленность», временного ряда по отношению к объективирующейся изменчивости (объективность времени сопряжена с «личностной завербованностью»: время – переживаемая субъектом «текучесть», но субъект – частица объективной реальности, и наш «прогон» «временного сгустка» также «выслан» «прерогативами объекта»). «Взвинчивающаяся» виртуализация неповторимости моего «Я» усиливает «подтекст» статической концепции времени и роль «лично взвирнутого субъекта». Никто не может избежать «бифуркационных интенций»; и мы не свободны от «произвольного волеизъявления», так как между моим «Я» и реальной действительностью пребывает «глобально сконструированная» искусственная среда. Я, покинутый на самого себя, стремлюсь к тому, чтобы плыть руслом природно-естественного коллективизма. Вместе с тем я как мое «Я» – глобально субъектен, и от него (т. е. от моего «Я») зависит среда обитания. Но коль скоро я – андрагог, в моем ведении – целенаправленное использование «всеохватной динамо-неравновесности».

Структурные – горизонтально-вертикальные – промеры образования. Горизонтально-вертикальным подходом структурируя обра-

зование, мы приобщаем к «горизонтали» связанное с детско-подростковым возрастом «обучающее воспитание». К «горизонтали» «притянут» «феномен педагога» – будь то семья или школьный учитель. Важно, что ребенок социализуется под прищипом «внимательных, серьезных нянек», и это позволяет ему избегать «примечательных» результатов «незадачливого опыта Маугли». Временные параметры «горизонтали» промерены «прошлым», «настоящим» и «будущим» – пределами детства, отрочества, юности (возраст носителя «верхнего предела» – примерно 20 лет «жизненной стези»; юность нами понята как вернувшийся бумеранг: оттого она «засвечена будущим» – составным элементом всепоглощающего «неземного озарения»). ...»Горизонталь» связана с экстенсивным разворачиванием будущей личности, когда на ее (т. е. «горизонтали») пересечении с «вертикалью» молодой человек свершает жизненный выбор – индивидуализированной практикой претворяет «личностный подспуд». «Вертикаль» ответственна за последствия того жизненного выбора, осуществляемого взрослеющим человеком, благодаря чему усиливается его личностный статус; и происходит это под влиянием растущей творческой самодостаточности индивида, со знанием дела относящегося к «внешнему окружению». «Вертикаль» вскрывает обустроенность личности «на всю оставшуюся жизнь». Много это или мало? – Отвечаем: «Все зависит от того, как совместит личность прошлое, настоящее и будущее». Если такое совмещение выдаст цельно-непрерывную линию из указанных временных рядов, проживаемая личностью одновременность позволит ей, поддерживая постоянную связь с «горизонталью», на личностно «воспрявшем» уровне приподнять интересы социума до действенной человечности. Возвеличение их прочерчивает пик андрагогичности: последний являет собою такое творчество, под влиянием которого происходит замещающее глобально-искусственную среду подлинное воссоединение людей. Отмечаемое свойство – свойство андрагога, представшего индивидом как «совокупностью всех общественных отношений» (К. Маркс /1818–1883/). Основоположники научной философии рассматривали «аутентичную человечность» через снятие индивидом классового отчуждения (сегодня «классовость» переливается во «внутренние покои» моего «Я» и нужно быть начеку). ...Свобода человека начинается с его «природно-коллективистской приобщенности». Андрагогичность поддерживает в индивиде «личностный темперамент», она помогает ему

овладеть «сладостным напряжением», под влиянием которого переломными временами личность не утрачивает присущей ей (нерелигиозной) веры в ранее наработанных идеалах. Андрагог – образованный выразитель единства общественных устоев (обнимающих диалектическую соотнесенность культурных традиций и «цивилизационного разбега»), совершенствующего их «личностный приоритет» (это – в данном случае – набор индивидуальных действий, направленных на «стусшевывание» «глобальных излишеств»). Представленное образованием «индивидуализированное превосходство» налагает на его «хозяина» торжественную обязанность – быть всегда в форме: образованный человек как духовно одаренный глубоко переживает связь с родной землей, содействует ее процветанию.

ИГУ – образец андрагогической насыщенности личностного совершенствования. Так Иркутский государственный университет (ИГУ) «отточил» поколения молодых людей, ставших по-настоящему образованными. Хотелось бы выделить среди тех, кто повысил планку образованности ИГУ, – доктора философских наук, профессора Л. А. Петрова (1908–1975). Приехав едва ли не юношей из московской аспирантуры в «иркутскую глубинку», Лев Александрович сорок лет учил студентов (и не только их) размышлять, обосновывать научные представления о мире, любить Малую Родину. Во время Великой Отечественной войны (1941–1945) служил на восточных рубежах Страны Советов, имел много наград. Он был на равных – без панибратства – с молодежью, тянувшейся к нему. Под руководством профессора Л. А. Петрова 20 соискателей успешно защитили кандидатские диссертации... Сам же Л. А. Петров оставался доступным и одновременно таинственным: хотелось с ним общаться и выявлять то прошлое, активистом которого он слыл. Будучи воплощением образованности, Л. А. Петров постоянно развивался – вносил в сознание очередного поколения студентов «инновационно отлаженные срезы» обобщенного (т. е. философски насыщенного) видения мира. Он, к примеру, на лекциях по истории философии выявлял внутреннюю связь между русской духовностью эпохи Петровских преобразований (начало XVIII в.) и западноевропейской философией. Выходило так, что – по европейским меркам – философии у нас в то время не было, но соединяемый с верой рации программировал себя как ни с чем не сравнимый «духовный экстракт». Профессор Л. А. Петров считал, что реформы в России начались со второй половины XVII в., но царь Петр I (1672–1725)

придал им «сугубо западный колорит». Это определило европеизацию нашей духовности, в которой со временем специфическое положение обрела философия. Прислушиваясь к речениям «маститого старца», каждый из его подопечных проникался возвышенным настроением... Проводя «штучную» работу с «искателями истины», Лев Александрович вселял в них уверенность в собственные силы, вырабатывал чувство гордости за великий советский народ.

«Память тела» как природный стимул «образовательного расклада». Образованность всегда неповторима, она, если можно так выразиться, эзотерична (не в духе, однако, теософии): любит скрываться. Но она зримо проявляется «по делам рук их» – тех, кто отдает себя служению «высокому и прекрасному». ... «Вертикаль» структуры образования выстраивается благодаря андрагогичности – важнейшему условию постоянно-личностного совершенствования. Связь «вертикали» образования с «горизонталью» обеспечена также тем, что «вертикаль» своей андрагогичностью приурочивает охватывающую «горизонталь» «ладно скроенную фигуру непростого обывателя» к задействию «телесной памяти». Оно – задействие – заключается в том, что «память тела» позволяет индивиду «ухватить» то, от чего отстывает «память рассудка» (названная тематика изучается «философией телесности»). Скажем, сильная боль в зрелом возрасте «отсылает» меня к той боли, которую я испытывал в младенчестве... И вот она – «исчезнувшая младость» – «восстала из пепла». ...Выше мы свидетельствовали об одновременности прошлого, настоящего и будущего. Память тела ее укрепляет, и в этом мы также с очевидностью запечатлеваем природно воспроизводимый компонент образованности. И – понятно: образование всегда связано с этим – общественно развернутым – индивидом, обеспечивая его цельность в ее «био-психо-социальной разрешенности». Андрагог – носитель образования и человек, открывающий «личностные озарения» в нем (т. е. в образовании) как самому себе, так и тем, кто рядом: возвращает творческий коллективизм.

Социоинституционализация андрагогически взбадриваемого образования – прорыв в ноосферу. Мы возжелали «разложить по полочкам» новизну вызревающего образования, функционально обнимающего общественно складывающиеся сферы повседневна. Каждая из них, накапливая «образовательные прецеденты», преодолевает ими – стремясь искоренить! – «завалы глобализма». Расширяясь, углубляясь, возвышаясь и устремляясь к классово-

социальной справедливости, образование, как выше мы отметили, становится общественно организуемым институтом: приближает немного растерявшееся человечество к завидным далям ноосферы. Ноосфера же как неспешно структурируемый образ жизни человечества – набором точно воспроизводимых попыток ее адаптации к современным условиям и при опоре на совершенствующийся бытуклад (который наконец-то возвратит человеку его «трудовое благосостояние» /ныне, как известно, оно мало занимает субъекта деятельности, став «достоянием» техники/) – возвращаема объединенными усилиями культуры и цивилизации под наблюдением института образования.

БАРСУКОВА Н. К.

ПОНЯТИЕ «МИРОВОЗЗРЕНИЕ» В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ

Во второй половине XIX в. на стыках различных наук возникла новая отрасль знаний – наука о религии (так называемое «классическое религиоведение»). Ныне религиоведение является самостоятельной специфической синтетической областью науки, затрагивающей довольно широкий круг вопросов, связанных с исследованием религиозных явлений как сложным комплексом разнообразных проблем. Научное изучение религии осуществляется целым рядом дисциплин – это философия религии, история религии, психология религии, социология религии, феноменология религии, футурология религии, антропология религии, религиозная культурология, география религии, учение о свободомыслии.

Философия религии является базовым разделом религиоведения, поскольку дает общее истолкование сущности и природы религии. Ее истоки относят к XVIII–XIX вв. и связывают, прежде всего, с именами философов Б. Спинозы, Д. Юма, Г. Гольбаха, И. Канта, Ф. Шлейермахера, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, Л. А. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Гартмана, С. Кьеркегора, В. С. Соловьева и др.

В XX в. вопросы философии религии получают дальнейшее развитие. Ученые выдвигают разнообразные концепции и пытаются интерпретировать религию с позиций натурализма, герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, материализма, прагматизма, позитивизма, аналитической и лингвистической философии, философской антропологии, персонализма, неотомизма, психоанализа и т. д.